ЗИМА ИДЕТ

*КОНТУРЫ БУДУЩЕЙ РЕАКЦИИ**

Дмитрий ЕФИМОВ

РИТМ РЕВОЛЮЦИЙ И РЕАКЦИЙ

Хотя точные предсказания в истории невозможны, какие-то общие вещи предсказывать удается. И есть тенденции, которые предсказать предельно просто, ибо ими управляют элементарные ритмы. Один из таких ритмов — ритм революции и реакции. Если идет революция, можно, не боясь ошибиться, предсказывать реакцию, ибо в той или иной степени и конкретной форме — реакция после революции наступает практически с неизбежностью прихода зимы после лета. Поэтому в ходе теперешней революции (ибо либеральная реформа все же переросла в революцию) надо думать о будущей реакции, летом готовиться к зиме.

Как же относиться к этой угрозе реакции? Что должны делать люди, которым дорога зарождающаяся демократия? Выходить на площади во все меньшем числе и со все большим ожесточением? Или забиваться по норам, готовясь как-то пережить зиму? Решения могут быть разные. Но чтобы что-то решать, надо прежде всего разобраться в самой природе реакции.

Прежде всего, попытаемся понять, откуда проистекает неизбежность реакций, наступающих за любой революцией. На наш взгляд, основной причиной их неизбежности является то, что революции, будучи сами порождением протеста против лжи и аморальности «старых режимов», непременно «переходят черту» и порождают собственную ложь и аморальность. Революции не просто свергают «старый режим», они с ожесточением топчут все, что связано с ним, они «грабят награбленное», а их лидеры упиваются новой властью и обещают народу молочные реки и кисельные берега. И через какое-то время аморальность и ложь становятся видны каждому. Реакционерам надо лишь ждать, когда перезревшее яблоко само упадет на землю. Реакция — возмездие за грехи революции. Ибо в истории действуют и моральные законы (или исторические и социологические законы имеют и моральный аспект, моральный смысл) и если индивидуальные злодеи часто умирают без наказания, то социальные организмы — государства, партии, церкви — всегда судятся за свои грехи в ходе самой истории («на этом свете»). И степень возмездия соответствует грузу грехов. Английской аристократии не пришлось платить так, как французской. Зато и английская революция, относительно умеренная, не расплачивалась так, как расплатились за свой «шутовской карнавал» французские революционеры.

*Мы живем в период быстрых перемен и все, написанное нами, очень скоро устаревает или приобретает в новом контексте другое значение. Поэтому имеет смысл указать дату написания этой статьи — октябрь 1990 г.

Русскому «старому режиму», отменившему крепостное право только в 1861 году и введшему «полуконституцию» лишь после революции 1905 года, пришлось рассчитаться сполна. Но расплатились и наши революционеры-большевики, устроившие на костях побежденных свою оргию победителей. Расплатились при Сталине, ибо Сталин — это и пик революционного безумия, и реакция одновременно, и расплачиваются сейчас. И если сейчас им достанется, может быть, не так уж сильно, то это потому, что уже Сталин в какой-то мере явился для них карой и, что самое важное, среди них нашлись люди, оказавшиеся способными покаяться и начать «перестройку».

Перестройка — это начатые сверху либеральные реформы, перешедшие в революцию. Эта революция относительно умеренная и на совести её пока нет крови.

И тем не менее, как любая революция, она постепенно накапливает грехи и ложь, делающие в конечном счете реакцию неизбежной. Контуры этой будущей реакции — это контуры теперешней, революционной лжи, глупости и аморальности. Попробуем рассмотреть эти контуры, исходя из общей для любой революции схемы отношения к прошлому, настоящему и будущему. Схема эта предельно проста и естественна. Прошлое отрицается, настоящее рассматривается как переходный период героической борьбы, будущее — это то добро и счастье, за которое мы боремся.

МИФ ПРОШЛОГО

Революция 17-го года с упоением поливала грязью старую Россию. Вообще грязи в старой России было более чем достаточно. Но революции было все мало. Ей нужно было изобразить все прошлое немыслимым мраком, ибо, лишь создав абсолютно черный «фон», она надеялась обелить свои собственные злодеяния. Она надругалась над прошлым, как варвары-завоеватели над взятым городом. Победители устроили пир на костях побежденных. Но за такие пиры рано или поздно приходится платить. Самые главные победители могли перед смертью в тюрьмах и лагерях узнать о том, что Сталин возрождает символы царской России, а их отдаленные идейные потомки вынуждены сейчас смотреть по телевизору, как председатель Верховного Совета принимает лидеров партии православных монархистов.

Перестройка окончательно разрушила большевистскую мифологию. Она раскрывает «запрятанную» дореволюционную русскую культуру и историю и одновременно обнажает все масштабы злодеяний установленного революцией 1917 года режима. Это — громадный, «революционный» прорыв к правде. И все же с каждым днем становится очевидным, что инерция теперешнего революционного процесса влечет его к новой мифологии, «зеркальной» по отношению к большевистской.

Царская Россия — символ мрака и зла для большевиков — начинает превращаться чуть ли не в символ добра, в потерянный рай, а 1917 год — в подобие грехопадения. Зато история после 1917 года становится периодом беспросветного мрака, царством Сатаны.

Между тем, в истории, как и в жизни, все предельно запутано. Здесь мученик легко и незаметно переходит в палача и может быть мучеником и палачем, святым и негодяем одновременно. Революционеры не были теми «беззаветными» рыцарями, которыми они сами себя изображали, но не были и теми мрачными злодеями, какими они все чаще рисуются сейчас. Многие из них проявляли бескорыстие и героизм, немыслимые для лиде-

ров теперешнего «революционного» движения. И даже Сталин, каким бы злодеем он ни был, это все же человек, бежавший из ссылок, и создатель самой великой империи в истории человечества. Это — кто угодно, но не тот ничтожный дурак, которым его изображают сейчас.

Так же запутаны, сложны и странны в истории причинноследственные связи. Наша революция была порождением нашей дореволюционной истории, итогом дореволюционного развития. Она была очень кровавой, но при оценке степени «кровавости» нашей революции надо учитывать, что в нашей истории оказалось спрессованным то, что было растянутым в истории других стран, шедших от средневековья к современной демократии. «Кровавость» нашей революции несомненно связана с «бескровностью» и «застойностью» нашего XIX века, когда европейские народы проходили через циклы революций и контрреволюций. С другой стороны, бескровность (во всяком случае в России) теперешней революции также, несомненно, связана с обилием крови, пролитой при Ленине и особенно при Сталине. И кровавость нашей революции неразрывно связана и с ее героизмом и идеализмом. Не видя этого героизма революции, мы просто не можем понять нашей истории и чем более мы «унижаем» революцию, тем более мы объективно «унижаем» и ту дореволюционную историю, итогом которой она была. И как революция 1917 года — итог нашего предреволюционного развития, так перестройка — итог развития послереволюционного. И опять-таки, изображение пройденного с 1917 года пути как «провала» в истории объективно означает отрицание теперешнего революционного процесса, ибо если мы не изменились с 1917 года, если мы не шли вперед, а стояли на месте или пятились назад, значит и результат перестройки будет тот же, что и в 1917 году, если не хуже. В истории все так переплетено, что любая попытка «перечеркнуть» какой-то период, какую-то из его составляющих, означает, что «перечеркиваешь» ты самого себя.

И эта тенденция, это движение к новой лжи одновременно есть движение к реакции. Ибо рано или поздно ложь обязательно осознается, и чем с большим упоением ты глумишься над поверженным противником, тем по большему счету придется платить тебе. Но в современном глумлении над прошлым есть одна особо неприятная черта — если после революции 1917 года «пляску победителей» устраивали люди, проливавшие в борьбе с противником кровь и сидевшие в тюрьмах, то современную «пляску» зачастую устраивают люди, работавшие в ЦК КПСС или видевшие в такой работе предел своих мечтаний. Но здесь мы естественно переходим к другому аспекту новой мифологии — к ее «мифу настоящего».

МИФ НАСТОЯЩЕГО

«Миф настоящего» в большевистской идеологии — это миф борьбы с «остатками эксплуататорских классов» и «капиталистическим окружением», которые становятся все агрессивнее по мере того, как мы приближаемся к светлому будущему.

Перестроечная революция создает очень похожий по структуре миф, но, пожалуй, с еще меньшими основаниями. Если революционеры 1917 года были настоящими героями (хотя к их героизму примешивалась вся грязь низменных человеческих страстей) и они произвели революцию сами, подняв народ, то у нас с героями дела плохи. Не мы добились своей кровью перестройки, а она пришла к нам сверху, из того самого бюрократического слоя, от которого мы этого ни-

как не ожидали. Почему наше революционное движение при Брежневе было предельно слабым и лишь в незначительной степени способствовало наступлению «перестройки», почему наша правящая верхушка выдвинула Горбачева и оказалась во много раз более способной на либеральные реформы, чем правящий слой царской России, — это сложные вопросы, о которых здесь можно не говорить. Но факт есть факт. Горбачеву понадобилось два года упорной работы, чтобы «раскачать» страну, пока мы поняли, что можно не бояться, что начальство действительно «разрешило свободу».

Но стоило нам догадаться, что Горбачев действительно связал себя намертво с процессом демократизации, мы сразу же закричали: «Долой Горбачева!» (пока были сомнения, кричать боялись). За отсутствием настоящих героев явились псевдогерои, усиленно создающие образ руководимого ими революционного народа в борьбе с темными силами.

Национальные движения также усилились именно тогда, когда были открыты реальные возможности для национальных возрождений и самостоятельности республик. И тут же начали заявлять о полном суверенитете и выходе из Союза. Унижавшиеся русскими сами стали унижать русских, и требующие свободы для себя — полностью игнорируют аналогичные требования своих нацменьшинств.

Теми, кто безропотно терпел десятилетия (и не будь Горбачева, до сих пор продолжал бы молчать) вдруг овладел «революционный энтузиазм». Те, кто не решался возразить собственному начальству, не подчиняются законам и декретам президента. И именно тогда, когда двери стали открываться, в них начали ломиться, создавая видимость, будто они открываются под нашим напором, и топча друг друга. «Революционная схема» овладела умами людей как раз тогда, когда для нее стали исчезать основания.

Откуда же эта мощь «революционной схемы», которая сама создает революционную ситуацию? Прежде всего — от естественной человеческой потребности упрощать реальность. Действительные процессы и реальные проблемы бесконечно сложны. А тут есть простая и ясная схема, древняя, в готовом виде «лежащая» в подсознании и легко извлекаемая оттуда. Кроме того, реальность (не мы добились свободы, а она пришла к нам сверху) нас унижает, а схема нам льстит. Теперешней храбростью мы компенсируем прошлую робость и с удовольствием (и без особой опасности) осознаем себя борцами.

Но как всегда, к стремлению упростить ситуацию примешивается и сильный элемент прямого своекорыстия. На криках, на лозунгах легко выдвинуться, сделать карьеры, которые затем надо поддерживать, вопя все громче и громче. Стать лидером новой партии с «европейским» названием — это получить возможность ездить в Европу на встречи партийных лидеров. А борьба за немедленную независимость — это еще и борьба за открытие сотни посольств, в каждом из которых — посол да советники, так что на должности могут рассчитывать даже районные лидеры Народных фронтов. Какой же дурак предпочтет долгую, трудную работу над превращением своей страны в богатую, культурную и демократическую — перспективе борьбы за независимость, которая, если удастся, будет означать хорошую должность, а не удастся — даст возможность где-нибудь за границей написать мемуары о том, как «русские задушили нашу свободу».

Сегодняшние «революционные» и

национально-освободительные движения, возникшие не в настоящей борьбе — эфемерны. Для их подавления нужны самые минимальные силы. И именно в этом их опасность. У них нет сил для реального сопротивления, их основная сила — в нежелании Горбачева применить силу и уничтожить го дело, с которым он связал свою жизнь. Но в этой ситуации у них достаточно возможности для создания анархии, которая может сделать применение силы необходимым, и, если Горбачев на это не пойдет, найдутся другие люди. И если события будут развиваться так, как они развиваются сейчас, — этих людей поддержат «широкие народные массы».

МИФ БУДУЩЕГО

Теперешний миф будущего, заменивший миф коммунизма, — это рынок и капитализм. Это миф — не потому, что рынок — не нужен, но потому, что рынок превратился в сознании очень многих в «магическое» средство достижения богатства, в то же, во что превратился раньше лозунг «обобществления производства». Между тем, очевидно, что рынок сам по себе — ничто. Рынок есть и в Боливии, и в Колумбии, и в Уганде. Действительно, рыночная ФРГ жила лучше покойной ГДР, но социалистическая ГДР жила так, как не снилось нам и полякам, просто потому, что немцы умеют честно работать.

Рынок необходим, но путь к нему должен идти через уважение к договорам и законам, через честный труд и порядок. Только такой рынок не будет «рынком нищих». Мы же идем к нему через попрание всех обязательств, таможенные барьеры между республиками и чуть ли не между областями, через драку вокруг становящегося все более скудным общественного пирога. Такой рынок, к которому придут неподготовленные психологически, деморализованные люди, обязательно будет рынком, при котором невозможность достать мясо сменится невозможностью его купить. Это будет рынок, при котором старики, еще помнящие советскую власть, будут рассказывать, что они могли купить в магазинах на свою зарплату, и дети не будут им верить...

* * *

Обрисованные выше тенденции к новой мифологизации, новой лжи и аморальности еще не зашли достаточно далеко. Есть и другие тенденции. В целом революционный процесс, особенно в России, разворачивается все так же относительно спокойно и умеренно. Тем не менее, эти тенденции проявились достаточно четко, чтобы можно было говорить о практической неизбежности реакции.

Но все же эту реакцию, хотя и трудно, но можно и опередить — если «коррективы», которые она внесет, внести самим. Надо прекратить пляску на костях революции 1917 года и истории СССР. Это отнюдь не значит, что ими надо восторгаться. Это значит лишь, что в гробы людей, отдавших жизни за свои идеалы (как бы ложны, с нашей точки зрения, эти идеалы ни были) плевать не стоит. Надо прекратить оргию революционной безответственности, уже достаточно проявившуюся коррупцию новых, «революционных» властей. Надо понять, что сейчас развал Союза — самоубийственен и что выдвижение нереальных требований означает лишь отказ от решения реальных проблем. Надо четко осознать, что рынок не заменит честного труда — и не нужен без честного труда и без уважения законов.

Если теперешнее демократическое движение сможет это, реакции не будет. Не сможет — Бог с ним, туда ему и дорога.

Через какое-то время придется начать все сначала.